

В маленьком больничном парке всегда многолюдно: здесь гуляют и играют те, кого терзает недуг. Но в их глазах теплится надежда на жизнь, и даже в сине-белых больничных пижамах они способны танцевать под светом фонарей.

Тусклый свет уличного фонаря падал на лица двоих. Мо Наньян держался прямо, с невозмутимым видом, но если присмотреться, можно было заметить, как сильно покраснели его уши.

Ань Нянь прикрыл рот рукой, тихонько посмеиваясь. Его лицо, похожее на фарфоровую куколку, от улыбки стало еще оживленнее, а глаза в форме лепестков персика превратились в полумесяцы.

Они шли, крепко сцепив руки, в едином ритме.

Проходившие мимо дети украдкой поглядывали на них — ведь это были двое невероятно красивых старших брата, идущих за руки.

Даже какая-то женщина средних лет пошутила:

— Какие же современные молодые люди влюбленные. В свое время мы с моим стариком были точно такими же.

В этот момент уши Мо Наньяна вспыхнули еще сильнее. Самое обидное, что Ань Нянь не стал ничего объяснять. Неужели я и правда для него что-то значу?

— М-м, — только и смог ответить Мо Наньян женщине.

Пусть порой ловились и недобрые взгляды, но сейчас они, окруженные собственными розовыми мечтами, были словно в другом мире и не обращали ни на что внимания.

Они нашли тихое место и присели.

Сидя плечом к плечу, Ань Нянь в своей просторной больничной рубашке выглядел особенно хрупким: виднелись его бледные, изящные ключицы и тонкая, чистая шея, которая, казалось, могла сломаться от малейшего прикосновения. В этом было что-то болезненное и пронзительное.

Ань Нянь что-то рассказывал Мо Наньяну. Уголки его глаз слегка покраснели, брови были изогнуты, а взгляд, полный живого блеска, словно отражал падающие звезды. Под изящным носом алели губы, и во время разговора он постоянно улыбался, обнажая два ряда белых зубов.

Свет фонарей пробивался сквозь листву, рисуя на его одежде причудливые тени. Простая широкая пижама не могла скрыть его сияния — он был подобен чистому ветру и лунному

свету, а в глазах его таилась глубокая нежность.

В тот миг Мо Наньяну показалось, что и Ань Нянь питает к нему особые чувства.

— Хозяин, мне кажется, главный герой готов тебя проглотить взглядом.

995, пользуясь тем, что его никто не видит, вовсю кривлялось перед мужчиной: то вертело задом у него перед носом, то усаживалось прямо на голову.

— Честное слово, я уже начинаю шипперить вас двоих.

995 не признавалось Ань Няню, что под подушкой у него спрятан фанфик собственного сочинения, где в первой же главе начиналось такое, что и описать сложно — сплошные вздохи и все мыслимые и немыслимые сцены.

— М-м... главное, чтобы тебе было весело.

995 надуло губки, моргая глазами-бусинками, и посмотрело на Ань Няня с таким искренним видом:

— А можно мне купить кое-что за баллы?

В этих глазах-горошинках мольба сменялась надеждой, а маленький световой шарик продолжал вилять задом, пытаясь изобразить очаровательный взгляд и выпрашивая что-то голосом маленького мальчика:

— Хозяин, ты самый лучший! Мне нужно совсем немного, всего сто баллов, ну пожалуйста! К тому же, на это сейчас скидка, умоляю!

Ань Нянь беспомощно кивнул. Ему казалось, что если он не согласится, 995 будет крутиться перед ним всю ночь напролет.

— Хозяин, ты лучший! Ха-ха-ха!

995 стрелой полетело в магазин баллов. Там все сияло золотом, и 995, глядя на изобилие товаров, пустило слюнки. Но, помедлив лишь секунду, оно тут же выбрало предмет в самом дальнем углу.

— Та-да! Встречайте: ослепительное, великолепное, сногшибательное 995 в новом облике!

Слушая этот поток эпитетов, Ань Нянь невольно усмехнулся. Ему пришло в голову, что 995 стоит поучиться по книге Девяносто девять способов воспитания хозяина.

Перед ним возник пухлый светящийся шарик, похожий на яйцо, который зачем-то нацепил на себя вырвиглазное красное платье в пестрый цветочек.

— Говорю тебе, это платье — лимитированная коллекция, оно сейчас нарасхват! — гордо задрал нос, заявило 995.

— Верно, думаю, магазин очень рад, — рад тому, что удалось сбыть залежалый товар.

— Еще бы! Хозяин, старайся, в магазине еще много крутых вещей!

Ань Нянь смотрел, как 995 подпрыгивая ускакало смотреть мультики, и не сдержался, рассмеявшись в голос.

Пока сознание Ань Няня пребывало в пространстве Системы, его тело постепенно погрузилось в сон. Мо Наньян смотрел на его безмятежное лицо. Ань Нянь прислонился к его плечу, а его густые ресницы отбрасывали на щеки длинные тени. Кожа казалась такой нежной и упругой.

Мо Наньян подумал и решился: он осторожно коснулся пальцем щеки Ань Няня. Ощущение было такое, будто он трогает кусочек нежного тофу.

Глядя на это чистое, спокойное лицо, на покрасневшие уголки глаз, напоминающие лепестки персика, на слегка приоткрытые губы, между которыми виднелись кончики белых зубов, Мо Наньян понял: даже самая яркая луна не сравнится с тем, кто сейчас рядом.

Он слегка подался вперед. Ему безумно хотелось коснуться губами этих мягких губ, но он не хотел делать ничего без разрешения — это было бы неприятно.

В этот самый момент Ань Нянь вовремя проснулся. В его красивых глазах еще блуждала сонная дымка.

Раскрыв глаза, он увидел прямо перед собой плотно сжатые губы Мо Наньяна. Человек, который обычно был молчалив и даже холоден, сейчас выглядел растерянным, словно его застали врасплох.

Ань Нянь внимательно изучал юношу.

Мо Наньян, не по годам рассудительный, держался с достоинством, словно сосна. От него исходила аура неприступности, заставляющая людей держаться на расстоянии. Его черты лица, еще по-юношески мягкие, но уже красивые, тонкие брови и чуть раскосые глаза обычно выражали холод, но сейчас в них читалась бесконечная нежность к тому, кто был перед ним.

Мо Наньян замер, глядя на Ань Няня.

Уголки губ Ань Няня дрогнули в улыбке. Внезапно он закрыл глаза и подался вперед.

У Мо Наньяна перехватило дыхание. В ту секунду его сердце, долгое время хранившее покой, вновь забилося в бешеном ритме.

Мягкие губы коснулись уголка рта Мо Наньяна, неумело и робко, с той самой юношеской наивностью. Нежный, чистый поцелуй, лишенный всякой плотской страсти.

Когда все закончилось, Мо Наньян так и остался сидеть, ошеломленный.

Перед его глазами замаячила рука с тонкими пальцами.

— Учитель Мо? Мо Наньян?

Мягкий, чистый, как лунный свет, голос ласково вернул его в реальность.

Юноша, обычно такой серьезный, просиял, словно солнце. Казалось, он обрел величайшее сокровище, и для него этот человек был единственной луной и недостижимой розой.

— Ань Нянь... ты... я...

Его обычная уверенная речь стала сбивчивой. А виновник этого переполоха лишь склонил голову набок и лукаво улыбнулся:

— М? Что случилось? Что-то не так?

Мо Наньян взволнованно схватил Ань Няня за руку.

— Ты... ты сделал это всерьез?

В его глазах светилась такая надежда, что Ань Нянь не мог ее игнорировать.

— Разве что-то произошло?

Мо Наньян на мгновение поник, словно щенок, не дождавшийся похвалы хозяина. Но затем он решительно поднял голову и посмотрел Ань Няню прямо в глаза — казалось, у него на лбу было написано: Я люблю тебя.

— Возможно, это прозвучит внезапно, ведь мы знакомы всего месяц... — Но месяца достаточно, чтобы любовь расцвела, ведь для любви не нужны причины. — Но я люблю тебя. Люблю как

мужчина любит возлюбленного. Это бесконечные удары сердца, это желание пройти с тобой весь путь до конца.

Он снова глубоко вздохнул, словно на эти слова ушло все его мужество.

— Мне всего девятнадцать. У меня нет ни состояния, ни положения, чтобы дать тебе все, чего ты заслуживаешь. Я, может, и не идеальный парень, но каждый раз, глядя на тебя, я понимаю, что мои чувства особенные. Я никогда никого не любил, не знал, что это такое, и думал, что никогда не встречу того, кто мне по-настоящему дорог. Но за эти два месяца, чувствуя, как бьется мое сердце рядом с тобой, я наконец понял, что это значит. Это любовь Мо Наньяна к Ань Няню.

Мо Наньян произнес это искренне и благоговейно. Казалось, он репетировал эти слова в голове тысячи раз. Его глаза, прежде похожие на стоячую воду, теперь горели бушующим пламенем любви.

— Я отдам тебе все, что у меня есть. Все, что ты пожелаешь, я достану, даже если придется выбиться из сил.

В этой любви сквозила одержимость.

— Это лишь мои чувства. Если они тебя тяготят, я прошу прощения. Если ты решишь отказать... мы сможем остаться друзьями?

В последней фразе звучала неуверенность в себе.

Ань Нянь прислонился головой к плечу Мо Наньяна. Он молчал, но его плечи мелко дрожали.

Мо Наньян страшно занервничал — он боялся, что Ань Нянь плачет. Он впервые говорил так много и впервые так сильно кого-то любил. Он боялся испугать его. Он хотел обнять его, но не решался, боясь проявить навязчивость.

— Ну ты и дурак!

Ань Нянь обнял Мо Наньяна, и в его голосе слышался нескрываемый смех.

— Я ведь уже все показал, а тебе обязательно нужно было, чтобы я сделал первый шаг? Трус.

<http://bllate.org/book/21569/2221035>